

Вообще чтение стихов в походе – занятие увлекательное. Строки здесь обретают какую-то особенную силу. Поэзия органичнее прозы, именно она явилась первой в пещерном творчестве далеких пращуров. Да и птичьи голоса, флейта иволги, щелканье соловья, кукование зегзицы – это ведь не проза, верно? Мне приходилось читать «Слово о полку Игореве» на Днепре в цветущем разнотравье, гимны «Ригведы», стихи Ду Фу и Ли Бо, и навсегда теперь эти строфы напоены дыханием смоленских трав. То же и стихи Твардовского. Однажды читал его стихи на краю хлебного поля, в день рождения поэта, свернув с большака, ведущего на Ельню, с того самого, про который Твардовский писал:

Дымный дедовский большак.

Ехал я на велосипеде, конечно. Лодка, велосипед – лучшие машины для путешествий. Да еще философский способ Григория Сковороды – пеший ход. Разбил лагерь на краю хлебного колосающегося сизо-зеленого, но уже и золотящегося поля. По дороге в деревенском магазине купил чекушку ради такого дня, приготовил на костре ужин, крошил большую луковицу и, стоя на краю этой вечерней пучины колосьев, озаренных низким уже солнцем и пронзенной звездами васильков, возносил железную кружку с горькой чистой водкой и читал стихи:

*Чуть зацветет иван-чай, —
С этого самого цвета –
Раннее лето, прощай,
Здравствуй, полдненное лето.*

*Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Дышит — как будто в дупле
Скрыты горячие соты...*

От них и без водки захмелеешь. Горячие эти соты как хороши. Мне приходилось уже писать об этих строфах в книге «Вокруг света», в главе, которая так и называется «Мед»: «...К ручью я вышел не сразу, пробиваясь сквозь травы, легковейные арки отцветающего иван-чая, крапиву, набрел на березняк, а в нем – два улья в облупившейся голубой краске. Осторожно подошел. Услышал тихое гудение. Кто-то установил. Рядом поле, оно уже порядочно заросло кустами и ольхой с березками, но еще много цветочных лапиков (Константин Трифионович в своих семи тетрадях воспоминаний дает пояснения, что это «бесформенные куски пашни больше четверти десятины»), а поблизости липы Белкина. Когда вижу липы Белкина, на ум приходит одно позднее стихотворение Твардовского, вот эти чудесные строфы:

Чуть зацветет иван-чай..

Не знаю, наберет ли неведомый пасечник здесь меду. А мед поэзии в этом крае уже собран».

Мед поэзии. Его знали викинги. Бог Один похитил этот напиток и передал на хранение своему сыну-скальду. С тех пор божественный певец потчует этим медом лишь

избранных, и они начинают петь. В упоминавшихся древнеиндийских гимнах тоже есть напиток поэзии – сома, это и напиток и божество вдохновения и поэзии:

*Вот он живой неуловимый
всепроникуще победный
гимнотворец творящий Сома.*

И мы теперь смотрим на потрескавшиеся фотографии подростка в картузе и дивимся этому событию в наших пенатах среди елок и осин, пытаюсь вообразить, как это произошло, и мальчишка с хутора Загорье отведал этот волшебный напиток.

И запел сперва срывающимся голосом:

*Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стенки блестят,
Хорошо заживем мы семьейю
Здесь на новый, советский лад...*

А потом все увереннее, сильнее. Но, кстати, есть неповторимая прелесть в этих ранних юношеских стихах. Становление голоса и открывает нам, так сказать, механику чуда... Но понятнее оно не становится.

И каждый год в день рождения поэта в Загорье едут почитатели его таланта, бродят среди елок, яблонь, заходят в дом, пытливо все осматривая и пытаюсь эту загадку разгадать...

Вот и мне довелось снова туда приехать, уже не на велосипеде, а на новом автомобиле поэта Макаренкова.

Сначала мы заехали в Починок, и там в Доме культуры мне вручили премию А.Т. Твардовского за книгу «Вокруг света». Это книга походов по Местности Твардовского. И после торжеств мы уже вырулили к хутору. И наконец, я смог подарить обещанную пять лет назад книгу директору музея Ивановой, заметив ей, что вот, если бы в то утро, когда я сюда приехал на велосипеде, она согласилась сфотографироваться, то и увидела бы себя в этой книге. Да, тогда она тоже ехала на велосипеде на работу в музей, среди цветов и яблонь хутора, я, было, навел фотоаппарат, но женщина запротестовала.

Но, похоже, эту энергичную и сосредоточенную женщину такая мелочь вовсе не расстроила. Она была рада встречать гостей, ибо – настоящая хозяйка хутора и есть.

Дождь в Загорье не прекращался. Пахло елями. Дождь в Загорье. Что значит аура места. Зима в Загорье. Простые слова здесь незаметно приобретают особенный привкус – привкус меда поэзии.

Нас пригласили к столу. Музейщики отмечали тридцатилетие создания хутора. Потчевали нас домашним хлебом, салом. Хорошая закуска. И разговоры были хорошие: о Твардовском, меде и земле. Татьяна Иванова говорила, что земля возрождается. Когда они сюда приехали с мужем, все разваливалось и зарастало. А сейчас фермер взялся за дело ретиво, агрохолдинг выгоняет на поля невиданную технику, и она не ломается вообще и землю обрабатывает бережно. Поля вокруг и вправду ухоженные, как в Новодугинском районе.

Сторожа, муж и жена, держат 17 ульев пчел, возят мед и яблоки, картошку на продажу в Смоленск.

Я уточнил, в какие именно дни они приезжают в Смоленск...

И позже, в Смоленске, на фермерском рынке у костела и купил у них банку меда.

Загорьевский мед...

Решили банку открыть на Новый год. Но что-то забыли, потом уже спохватились. Снова стали дожидаться какого-нибудь праздника. А там и день рождения А. Т. Твардовского подоспел. И мы были в Москве. Отлично!

В день рождения поэта отправился на Новодевичье кладбище в надежде встретить там старшую дочь поэта Валентину Александровну, с которой веду скромную переписку. Пошел на авось. И возле могилы с камнем и дубком, расплескавшимися дланями во все стороны, встретил женщину, возившуюся с цветами, пластмассовыми обрезанными бутылками с водой. Это оказалась соседка Валентины Александровны по даче. Она сказала, что Валентина Александровна, видимо, была еще вчера, вот стоят пионы... Александр Трифонович любил эти цветы. Я попросил передать загорьевский мед. И она с радостью согласилась.

Позже пришла весточка от Валентины Александровны, мед оказался у нее на столе на даче. Получилось. Хотя бы это получилось. Когда-то я мечтал сфотографировать дочерей Твардовского в Загорье. С младшей дочерью, Ольгой Александровной, мне повезло пообщаться по телефону.

Но знающие люди предупредили, что затея моя обречена. К хутору, воссозданному младшим братом поэта Иваном Трифоновичем, у дочерей отношение сложное...

Вскоре я и сам это понял из переписки.

Что ж, хотя бы так хутор пришел в жизнь уже одной дочери, продолжающей много трудиться ради отца.

Загорьевский мед... Есть в этом созвучии своя горечь. А как иначе? Истинный мед поэзии без этого просто немыслим.

Когда я впервые увидел окна загорьевского дома, меня поразили их навечно опечаленный вид. Возможно, сказало знание трагических обстоятельств жизни хозяев этого дома. Дом раскулаченный, дом сожженный войной...

*Вот и дворик и лето,
Но все кажется мне,
Что Загорье не это,
А в другой стороне...*

И это так и есть. Загорье истинное только в воспоминаниях стариков и осталось. Но еще и в стихах мальчика, рожденного сто десять лет назад и отведавшего этого вечного загорьевского меда.